

Александр Исаченко

КОСЫ НИЗОВОЙ МЕТЕЛИ КОРГОНА

Огонь в русской печке разгорался, тяга была отменной, поленья потрескивали от жара, как бы отстреливаясь от невидимого врага. За темным окном ночь вступала в свои права, и на оконном стекле, как на экране телевизора, отражалась сама печь и хозяин в кресле, заглядевшийся на живой огонь, следя, как постреливают осиновые поленья.

Шел январь, миновало Рождество, до Крещения оставалось три дня. Вчера с утра задул ветерок, поплыли перистые облака, потеплело. Пихты опустили свои лохматые лапы и начали сбрасывать старый, залежавшийся снег, ожидая новый. Не первый год в январе холода отступают. Солнышко пригревает южную сторону дома, снег плавится под тёплыми лучами и с крыши звенит капель. В это время и рождается Весна! Да не тут-то было, зима не собиралась сдавать своих позиций и приглашала на помощь снегопады с метелями да лютый мороз. В такой трескучий мороз Петрович любил посидеть у огня русской печи, погружаясь в воспоминания. Сегодня вспомнилась ему такая же зародившаяся в январе весна в косах мартовских низовых метелей Коргона. Как пробивались они в лыжной гонке сквозь ее снег и дождь...

Он помнил себя совсем мальчишкой, когда однажды под Новый год отец вернулся с работы с подарком: в руках у него были детские лыжи – «Снеговик». «На, держи, сынок, это тебе!» – улыбаясь, вручил он их Сашке. Лыжи были с мягким креплением для валенок, яркого жёлтого цвета, на их загнутых носках стоял фирменный знак – Кировский ДОК. Они пахли деревом и ещё чем-то необыкновенным. Саня запрыгал от радости, обнял отца, сияя от счастья! Одно огорчало, на улице было темно, и нужно было ждать всю ночь, чтобы с рассветом встать на лыжи.

Весь вечер Саня, пристегнув их к валенкам, пробовал ходить по комнате. Отец с мамой и сестра Юлия радовались вместе с ним замечательному подарку. Находившись по комнате, он уложил лыжи в кровать, обнял их и лёг спать рядом. А утром, чуть рассвело, оделся потеплее и отправился на горку у дома, на которой, несмотря на мороз, он и катался, пока мать не загнала обедать.

Не всё получалось с первого раза, много раз приходилось падать в пушистый снег, и не одна пара лыж была сломана, прежде чем Сашка научился стоять и бегать на лыжах. Зимы на Иртыше были снежными и морозными. Как только вставала река, мальчишки привязывали коньки к валенкам сыромятными рем-

нями и целыми днями гоняли по льду. Осенний лёд был тонким и гибким. И если вместе собиралось больше трёх человек, лёд начинал трещать и гнуться под ногами, и ребята в панике разбежались в разные стороны и падали на животы, чтобы не провалиться под лёд. Бывало и проваливались! В мокрой одежде домой идти было нельзя – влетит! Поэтому частенько приходилось сушиться у соседа Вовки, который был пятью годами старше и считался опытным в этих делах. Пока сушилась одежда, слушали патефон. Пластинок было много, но особенно любили они Леонида Утёсова: «У Черного моря», «Случайный вальс», «Мишка, Мишка, где твоя улыбка», «Тёмная ночь», – да разве все перечислишь, как и песни Лидии Руслановой: «Окрасился месяц багрянцем», «Я на горку шла», «Валенки», «По диким степям Забайкалья», «Катюша» и много других, которые помнятся и поныне... За этим слушаньем одежда успевала просохнуть, и можно было смело идти домой.

Как только снегом укутывало гладь Иртыша, ребятня вставала на лыжи и каталась с горы, пока не надоест, или собиралась на Иртыше: расчищали лопатами площадку и весь день играли в хоккей. Шайба была большой редкостью, ею служил хорошо мороженный конский катышок, этого добра хватало, у многих в хозяйстве были лошади. Когда начинались большие снегопады, хоккеем и лыжами забывали, зато строили снежные пещеры и целые снежные городки. Здесь уже сходились «стенка на стенку» до первой крови! Или прыгали, соревнуясь, в снег с крыш сараев, – чего только не придумывали. За эти придумки частенько доставалось от родителей. И хоть не было у них в ту пору в деревне спортивных секций да тренеров, все эти собственные тренировки с раннего детства, а потом и в юности, позволили ему стать неплохим выносливым лыжником.

Петрович ходил ещё за дровами, термометр показывал минус пять, звёзд на небе не было видно. «К утру снег пойдёт», – вешая куртку с шапкой на вешалку, решил он. Подбросил дровец в огонь и вновь окунулся в свои думы. После школы он закончил пединститут, факультет физической культуры, стал тренером, и ему было что вспомнить.

Но вспомнились не соревнования его учеников на первенство СССР, а как шел он на лыжах через Коргонский Белок темной мартовской ночью. Друзья немного отстали, он шел первым и прокладывал лыжню. Небо было ясным, светила полная луна, дул встречный ветер, и над снегом струились серебристые, с позолотой, косы низовой метели. Казалось, что в мире никого и ничего не существует, только шорох перекатывающихся снежинок, суровые зубья вершин и огромная бездна звёздного неба... Петрович шёл, не сбавляя темпа, к намеченной ещё вчера цели – охотничьей избушке в верховьях Коргона. Где-то в километре от Петровича шел Вячеслав, крепкий, рослый, опытный альпинист, спокойный и рассудительный, недаром в команде он был капитаном, и все с уважением следовали его распоряжениям.

Группа из шести человек растянулась на подъёме через перевал. За Славиком, чуть отстав, шел самый опытный из команды, шестидесятилетний Альгаир Голиков, замечательный человек, кандидат технических наук, всесторонний спортсмен и, можно сказать, играющий тренер. По его задумке, группа, оставив тяжёлые рюкзаки по ту сторону перевала, налегке, должна была за ночь сбегать до посёлка на реке Коргон, где был первый контрольный пункт. Команда, пришедшая на КП первой, оставляла там свою записку, последующая команда забирала записку первой группы, а свою оставляла для тех, кто придет за ними...

Увлечшись воссозданием в своей памяти тех незабываемых переходов, Петрович вспомнил о своем дневнике, который не только был большим подспорьем в тренерской его работе, но с годами, как выяснилось, дарил ни с чем не сравнимую радость былых переживаний. Он подбросил в печь пару сухих полешек, достал потёртую тетрадь и стал просматривать записи.

Из дневника Петровича

«В верховьях Коргона, на пути к лесному поселью, в лесной чаще притаилась охотничья избушка. Охотничий сезон закончился, был март месяц, и охотник откочевал к семье в город или в поселок, где он проживал постоянно. Команда наша во главе с Вячеславом рассчитывала на короткий отдых в избушке, от неё до поселья около десяти километров. А пока группа, растянувшись, преодолевала перевал. За Альтаиром шел Игорь, наш штурман. В широком кармане на груди штормовки у него находилась карта местности, на просторах которой проходили эти необыкновенно экстремальные гонки на лыжах, старт которых состоялся днём раньше в поселке геологов Чекмарь, рядом с посельем семьи Гусляковых, что на реке Уба. Финиш – через триста километров, на пасеке, у таёжного поселка Кутиха на реке Тургусун. Команды, а их было пять, должны обязательно отметить на двух КП, один из них на Коргоне, второй на реке Хайдун, на территории Абайского леспромхоза.

Ночь стояла лунная, видимость отличная, лыжня хорошо просматривалась под лунным сиянием, и небольшая поземка никак не вредила. Остановившись на перевале, я оглянулся: ребята были далековато, но все пятеро видны как на ладони. За Игорем шли совсем молодые, двадцатилетние Андрей с Иваном, друзья Игоря и Вячеслава. Мы с Альтаиром познакомились с ними в автобусе на пути к старту. Пока я любовался окружающей красотой, не замедлил подойти Вячеслав.

– Ну ты и лось, не угнаться! – уважительно протянул он. – Надо дождаться ребят, на спуск пойдем вместе.

– Конечно, дождемся! А красота-то какая, глянь – отверзлый космос! – не сдержал я восхищения, всматриваясь в освещенные лунным светом вершины Коргонского Белка с обрывающимися на дно затемнённых цирков северными стенами.

Пока ждали отставших, хорошо просмотрели спуск в долину Коргона к охотничьей избушке. Его прошли по редколесью из лиственницы и кедра, петляя по пушистому снегу между деревьев. Запахло дымком. Избушка оказалась занятой, здесь уже ночевала команда Андрея Ложникова. Решили не останавливаться, сбегать на КП, тогда и отдохнуть».

Бежать стало легче: группа Ложникова проложила лыжню до поселья, они на этом участке были первыми. Луна светила по-прежнему ярко, и лыжники Вячеслава устремились по ложу замёрзшей реки вниз по течению, минут за сорок добежав до нужного места. В доме было тепло, так и хотелось остаться, но на столе лежала записка Андрея. Оставив свою записку, забрали послание Андрюхи и пустились в обратный путь, осмотрев на прощание территорию поселья. Хозяева, видимо, откочевали на мартовские праздники в гости к Гусляковым, а может, и в город, хотя вряд ли: продукты они закупают по осени на всю зиму. Поселье стояло на широком лугу Коргона, под обрывающимися скалистыми стенами Белка.

Ночной вид был великолепен, но времени для любования не было: надо было до утра опередить группу Андрея. В четыре утра подошли к избушке. Народ спал, пришлось их немного потревожить. Места мало – четверо забились под нары, Альтаир и Слава прикорнули у порога. Вымотавшись за день, Петрович постелил под нарами специальный коврик, забрался, не раздеваясь, в спальный мешок, и тут же уснул.

ОТ БОМЫ ДО ХАЙДУНА

Из дневника Петровича

«В шесть часов утра – старт. Поспав два часа, оставляем команду Андрея и налегке уходим на перевал. Наш груз в охотничьей избушке на реке Боме, с нами только спальные мешки и коврики. Рассвет встречаем на перевале.

Идём своим следом, проложенным вчера. План удался, налегке мы опережаем команду Андрея часа на четыре. Спускаемся в долину Бомы до своего груза. Варим горячий завтрак, едим и – вперёд! Целый день тропим лыжню. Зимней палатки у нас нет, поэтому ночевать будем только там, где встретится избушка или поселье.

Наша группа двигалась заснеженной долиной Бомы, когда впереди показались крыши пасеки. А в это время по свежепроложенной лыжне за нами показалась группа Андрея Ложникова.

– Поднажмем, – скомандовал Вячеслав, – надо первыми занять пасеку!

И обе команды ускорились: впереди был предполагаемый ночлег.

Мы успеваем первыми. Дом большой, места хватит всем. В доме холодно, хозяева отсутствуют. Быстро растапливаем печь, и через час в доме теплеет. Готовим ужин, сушим промокшие ботинки, майки, носки. Команда Андрея, попив чаю, уходит в ночь. Мы тоже решаем отдохнуть до двух часов ночи и продолжить путь. Ужинаем плотно, лапшой и салом вприкуску. Если не есть сало, то быстро наступает голод. «Лучший “Сникерс” – это сало!» – изрекает Альтаир. А кто бы спорил! Все с аппетитом стучат ложками.

Снова спим мало: три-четыре часа, и – на лыжи! С благодарностью делаю поклон пасеке и выкатываю последним на лыжню. Последним идти комфортно: лыжи хорошо скользят по накатанной лыжне, идёшь – отдыхаешь. Можно думать, вспоминать, как сидели в охотничьей избушке на реке Раскоте и решали, остаться в ней или продолжать путь на Коргон.

В избушке темно, снегом завалило единственное оконце. Свет пока не зажигаем. Конечно, если никуда не спешить, то можно и здесь ночевать. Но это же соревнование!

– Я, кажется, варежки потерял, – протяжным голосом, похожим на голос популярного артиста Эдгара Гарина, изрекает Альтаир.

Все, усталые, молчат.

– А я их, кажется, нашёл, – протяжным голосом тянет Альтаир.

Но все молчат, занятые своими мыслями, ожидая решения старших.

– Ну, раз соревнование, значит, надо сражаться за победу, – решает Вячеслав.

– А я их снова потерял-я-я-л, – продолжает Альтаир.

Ребята весело смеются и начинают по одному выползать из избушки. Альтаир снова находит свои варежки и встаёт последним на лыжню, напевая знаменитую Утесовскую песенку:

Ах, что такое движется там по реке?
 Белым дымом играет и блещет металлом на солнце!
 Что такое слышится там, вдалеке?
 Эти звуки истомой знакомой навстречу летят.

Особенно хорошо и громко получается у него припев:

Ах, не солгали предчувствия мне?
 Да, мне глаза не солгали!
 Лебедем белым скользя по волне,
 Плавно навстречу идёт па-ро-ход.

Ах, кто стоит на палубе там у перил?
 И смеётся, и плачет, и машет приветно платочком.
 И по ветру весеннему нежно поплыл
 Мне истомой знакомой навстречу тот голос родной.

И опять громкий припев о пароходе, белом лебеде, слушаем мы, горы и долина:

Ах, не солгали предчувствия мне?
 Да, мне глаза не солгали!

Альтаир знал множество песен, любил петь и мог “не выключаться”, как радио “Маяк”, круглосуточно! Погода была ясная, луна светила “ближним светом” и очаровывала красотой окружающих гор и долиной заснеженной реки».

Петрович катил замыкающим, по хорошей лыжне, тогда как первые шли медленно, тропя снежную целину, постепенно выходя из объятий ночи в приоткрытые двери утра. На востоке появилась алая заря, и через пару километров солнышко показало свою золотую корону над Становым Белком.

– Маралы! Слева, – шепотом сказал Альтаир, поворачиваясь к группе.

– Эх, фотоаппарата нет!

Все останавливаются и наблюдают за парочкой маралов, которые грациозно показывают искусство балета на заснеженной сцене природы, лёгкими прыжками двигаясь вверх по склону горы, с каждым прыжком проваливаясь по брюхо в снег.

– Вот это силища!

Маралы, почуяв, что за ними никто не гонится, позволяли себе делать передышку в несколько секунд, а потом с новыми усилиями продолжали штурмовать крутой склон, чтобы уйти за пределы видимости.

– Красавцы, – говорит Вячеслав. – Нам тоже надо спешить: соперники не дремлют.

Петрович из замыкающего перешёл вперёд и с азартом начал тропить лыжню в сторону перевала. А Игорь, который только что шёл первым, пропустив группу, стал замыкающим. Так и шла команда, непрерывно меняя друг друга, чтобы держать хороший темп.

Петрович, с детства увлекавшийся лыжами, можно сказать, был хорошо подготовлен к таким испытаниям. Самое главное, ему это очень нравилось и нравится по сей день. После перевала пошли знакомые места. Группа скользила по долине реки Шельдян.

Из дневника Петровича

«Идём по долине Шельдяна. Вот на этом ручье стоял лагерь “шишкарей” в сентябре 1981 года. Мы с друзьями Юрой и Колей Бабиными, Володей Григорьевым, Сеней Архиповым заготавливали кедровые орехи. Стояла золотая осень. Был хороший урожай, и нам удалось хорошо подзаработать.

А теперь группа шла и шла, меняя друг друга. Отдыхали только во время остановки на завтрак, обед, ужин. Быстро разводили костер и готовили какую-нибудь похлёбку. Иногда на ходу делали перекусы. На этот случай были заготовлены специальные “батарейки”, которые состояли из орехов, изюма, кураги, чернослива».

Петрович, хорошо зная эти места, с удовольствием вспоминал, как перегонял по долине реки Ночной коня по кличке Чалый. Долина эта очень живописна: широкая, с хорошими пастбищами, алтайцы любят здесь кочевать с табунами лошадей и крупного рогатого скота. На ней встречаются алтайские деревянные аилы, напоминающие казахские юрты.

Как-то незаметно закончился день, снова наступила ночь. Ближайшее жильё находится на реке Хайдун Абайского леспромхоза. До него ещё ночь пути. Делать нечего – только вперёд. Ночь звёздная, с полной луной, позволяет спокойно ориентироваться на местности. Вячеслав принимает решение срезать большой изгиб реки Ночной и сократить расстояние до леспромхоза. Игорь берет азимут на юго-восток, и группа уходит вправо от реки. Время два часа ночи, команда уже двадцать четыре часа в пути.

Долина кажется бесконечной. Где-то на Хайдуне слышно, как работает движок электростанции. Группа идёт на этот звук, а перед ней встаёт гора, которой не должно быть, если верить карте. Заканчивается ночь. Семь часов утра. Ребята валяются с ног: двадцать девять часов в пути от красивой пасеки, где им удалось немного поспать. Группа остановилась. Вячеслав, Игорь, Андрей и Иван ставят альпинистскую палатку и, обессиленные, заползают в неё. Альтаир и Петрович решают пройти вверх по ручью на звук станции.

Из дневника Петровича

«Усталость свалила группу. Вячеслав с ребятами поставили палатку и упали отдыхать. Мы с Альтаиром пошли вверх по ручью на разведку. Прошли один час, ущелье начинает уходить вправо от звука станции. Возвращаемся к ребятам. Развожу костер. Альтаир расстилает коврик и устраивается на отдых прямо на снегу. Костер разгорелся. Ставлю котел со снегом и топлю воду для чая. Чай готов! Поднимаю ребят. Уже светло – восемь часов утра.

Игорь идёт за палатку и минут через десять возвращается радостный:

– За поворотом дорога в леспромхоз!

– Ура! – выдыхаем мы!

Пьем чай, собираемся и выходим на дорогу, ведущую к лесоучастку.

Двигаемся по разбитому лесовозами зимнику. Небо затянуло тучами. Потеплело. Идём медленно: все сильно устали. В 14.00 пришли в поселок лесорубов Абайского леспромхоза. Тридцать шесть часов в пути! Сил нет разглядывать местную красоту. Под мостом через Хайдун оставляем записку в условленном месте. Других записок пока нет, значит, мы здесь – первые! Начинается мелкий

дождик. Направляемся в общежитие – рубленый из листвяга длинный барак. Обедаем и, расстелив коврики и спальные мешки, падаем спать. Тело гудит от бессонного пути и огромной нагрузки».

ПОД ВЕРШИНОЙ ГОРЫ ЧУМЧУДОЙ

Из дневника Петровича:

«Полдня и вечер до 23.00 отдыхаем. В 24.00 выходим на маршрут. От Абайского леспромхоза до Тургусун – ГЭС девяноста километров. И снова приходится догонять: впереди нас две команды “Меридиана” под руководством Володи Лукичева, туриста-водника, целеустремлённого и очень амбициозного лидера своих команд. Они вышли на несколько часов раньше нас.

Ложников с группой ушёл через Коксинский перевал на реку Барсук, правый приток Тургусуна, оттуда планирует скатиться к Тургусун – ГЭС.

Перед выходом на маршрут обнаружилось, что у нашего спортсмена Ивана местные охотники стащили лыжи. Запасных нет. Принимаем решение продолжить гонку впятером. Ивана завтра на попутном лесовозе возьмут в Лениногорск.

Моросит мелкий, холодный дождь. Темно. Видимость плохая. Идём по лесовозной дороге, скользя по обледенелым колдобинам. Слава Богу, дорога уходит влево на Карагай, в алтайский поселок мараловодов Поповых, где я брал коня Чалого в кедровую экспедицию на Шельдян. Но по мокрому снегу, по целине идти нисколько не легче. Дождь не стихает. Проходим район Кульды. Здесь стоянка знакомого пастуха-алтайца Айдара, он пасет с сыновьями лошадей с июля по сентябрь, пока не выпадет снег.

Из-за плохой видимости чуть было не ушли влево от Хайдуна. После Кульды дождь перешёл в снег. Здесь повыше, мы идём в верховья Хайдуна, поэтому постепенно набираем высоту над уровнем моря. Запах дыма выводит на палатку Лукича. Тихо проходим мимо и оставляем конкурентов позади. Благодаря тому, что я здесь бывал летом, держим курс вдоль Хайдуна, хотя он и занесён двухметровым снежным покровом. Чем выше поднимаемся в горы, тем реже становится тайга. На подходе к Нижним развалинам ветер усиливается, снег летит стеной, с трудом удастся отыскать пастуший домик.

В этом домике я жил со своими учениками-лыжниками в августе 1991 года. Под вершиной горы Чумчудой, на высоте 2200 метров над уровнем моря сохраняется надувной снежник длиной около одного километра! Мы делали круг длиной 2,5 км. Домик занесён по самую крышу. Ветер выдул нишу вокруг дома, и нам удается попасть внутрь. Печь на месте. Разводим огонь, и пока он даёт тепло, просмаливаем лыжи, готовим горячий завтрак, время – восемь утра.

Мы уже заканчивали завтракать, как в домик вошёл Володя Лукичев.

– Здорово ночевали! – приветствовал он нас, здороваясь с каждым за руку. – То-то я думаю, кто это нас так ловко обошел?! Но ничего, зато я самый толстый лыжник Казахстана, – шутит Володя.

Мы тем временем собираемся на выход, оставляя соперникам хорошо натопленную пастушью избушку.

Лыжи просмолены. Нанесена мазь под свежий снег, и мы выходим в метель из жаркого помещения. Буран усиливается. Видимость пятьдесят метров, как раз чтобы не терять телеграфные столбы, которые остались от геологоразвед-

чиков. По ним мы и выходим на маршрут. Снегу много, меняемся часто, чтобы поддерживать скорость движения. Долина Хайдуна в этом месте пологая, напоминает дно высохшего озера. Проходим равнину и начинаем подниматься в крутой склон горы.

Ветер со снегом пытается сбросить нас с перевала, спасают столбы, которые идут на заброшенный рудник. Здесь геологи нашли месторождение железа, было выполнено огромное количество работ. Но в связи с “народно-капиталистической революцией” всё брошено. Народ быстро придумал несостоявшемуся руднику название – “Верхние развалины”. Место напоминает декорации к фильму Тарковского “Сталкер”. Из метели видны буровые вышки, рубленные строения для хозяйственных нужд, частично разобранные. Ловкие люди потихоньку вывозили на лесовозах листовяжные срубы барачков, оборудование на металллом...

Долина Хайдуна упирается в узкое ущелье, проходим рудник и начинаем спускаться в сторону Тургусуна».

ВОЛЧЬИ ИЗУМРУДЫ ФОНАРИКОВ

Из дневника Петровича

«По мере того как мы теряем высоту, буран затихает. Снега выпало много, тропим лыжню и медленно спускаемся с перевала. Чуть ниже лыжня начинает валиться по пояс. В горах всю ночь шел снег, а в низине лил дождь. Снег превратился в сыпучую кашу, как и бывает в весенние оттепели. Ход замедлился, продвигаемся километр в час. Меняться приходится через 10–15 метров, иначе первый сильно устает, а задние – “курят бамбук”, проще сказать, едва скользят по хорошей лыжне. Дело к обеду, а до финиша пятьдесят километров. Не успели подумать про обед, как две команды “Меридиана” в количестве двенадцати человек по нашей лыжне легко подкатывают к нам. А мы уже двенадцать часов в пути.

“Привал!”, – командует Вячеслав, и мы уступаем лыжню “Лукичёвской армаде”.

Разжигаем костер, хотя после дождя это сделать непросто. Готовим обед из остатков продуктов. Пообедав, встаём на лыжи и по лыжне, проложенной “меридиановцами”, легко догоняем беглецов. И вот здесь – кульминация гонки. Время три часа дня, до вечера пара часов!

Команды Лукичёва быстро останавливаются пить чай, а мы вгрызаемся в проваливающийся до земли снег. Дело к вечеру, начинает подмораживать, мы выкатываем на лыжню, проложенную на финиш судейской командой ещё до дождя. Лыжня размыта, но её прихватило морозцем, и она не проваливается.

А за нами по пятам гонятся две команды “Меридиана”. Уже показался Володя Лукичев с женой. До финиша – тридцать километров!

Спускаются сумерки. В горах быстро темнеет. Команда, измотанная тяжёлым троплением лыжни, движется на “автопилоте”. Из еды в рюкзаке у Альтаира немного сахара, и все. Совсем рядом, за нашими спинами, сверкают волчьими изумрудами фонарики соперников.

С левого крутого берега Тургусуна днём сошли небольшие лавинки. Нам приходится обходить их стороной. При таком обходе я задеваю носком лыжи огромный снежный ком, который под воздействием небольшого мороза превратился в ледяную глыбу. Носок лыжи не выдерживает мощи “айсберга” и с

треском отлетает в сторону. Игорь быстро достает из рюкзака металлический носок-лыжу и выправляет проблему. Команда в темноте даже не заметила этого эпизода: настолько быстро всё произошло».

Гонка продолжается, как в замедленной съёмке. Внезапно Игорь Гладышев падает, как подкошенный, на ровном месте.

«Ну все! Приехали!» – подумал Петрович.

– Игорь, как чувствуешь себя? Идти можешь?! – кричит он.

– Могу! – отзывается Игорь.

– Тогда – вперёд! – Петрович помогает ему подняться.

– Ребята, неужели просто так сдадим позиции? Собраться, соберитесь! Вон они, совсем близко, – Петрович оглядывается и видит, как зловеще сверкают фонарики Лукичёва.

– Поесть бы, – едва выдыхает обессиленный Игорь.

– Альтаир, доставай сахар, – командует Вячеслав.

Голиков достаёт сахар из рюкзака, ребята закидывают в рот по горсточке сахара и начинают движение. Петрович успел посмотреть на часы – одиннадцать ночи.

– Двадцать три часа борьбы, неужели сдадимся, мужики!?

– А никто и не сдаётся! – пропел Альтаир. – Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»! – возвысил он голос.

– Пощады никто не желает! – подхватила команда, наваливаясь на лыжные палки.

И все, воодушевлённые песней, казалось, стали сильнее, и группа «черепашим» шагом пошла дальше. А вот и разметка показала: разноцветные флажки вели от реки налево к пасеке, которая дымила трубой, как пароход, и под лунным сиянием казалась каким-то «Летучим Голландцем».

Из дневника Петровича

«Из последних сил заходим в подъем и оказываемся у дверей избушки.

– Хватит спать! – кричит Вячеслав.

– А мы и не думаем спать, – в дверях показывается Сергей Иванович Егоров и радостно обнимает всех по очереди. – Поздравляю! Вы первые!

Снимаем рюкзаки, отстёгиваем лыжи.

Из домика начали выскакивать судьи гонки, обнимать и поздравлять нас. Пока суть да дело, через тридцать минут подошёл Володя Лукичёв с женой, это они своим фонариками нервировали нас. Финиш – по последнему! Остальные участники “Меридиана” подошли через час.

В домике тесно. Нас кормят горячим картофельным супом с тушёнкой. Пьём чай. Вячеслав находит силы рассказывать наши ночные приключения. Альтаир присел на табуреточку в уголке, у кухонного стола, и придрёмывает. Игорь с Андреем молча пьют чай. Я посмотрел-посмотрел на эту суету, взял коврик, спальный мешок, вышел в сени, забрался на подызбёнку, ближе к дымовой трубе, на улице минус десять градусов, и улёгся спать.

Сон не шёл. Перед глазами плыли картины заснеженных склонов, лыжня, проваливающийся снег до земли, дождь, ветер в лицо. Тело гудело от огромной работы, а на душе было легко: “Мы сделали это! Вятером – против двенадцати!”»

Петрович зарылся в спальник и спал, купаясь в своих видениях, пока его не разбудил голос Вячеслава:

– Вставай, чемпион, завтракать пора. Собираться и – в Кутиху, там автобусы должны встречать.

– Здорово, Вячеслав! А кто против? – потягиваясь, ответил Петрович и, собрав свои вещи, спустился в сени.

– Ложников пришёл? – спросил он у хозяйничавшего возле стола Славы.

– Пока нет. Пришли команды Лукичёва, нет женской команды Нины Энгель, нет и Андрея.

Слава уже собрался, поставил перед Петровичем чашку с овсяной кашей, предположив:

– Возможно, они в Барсуке в снегу завязли. Судьи их будут ждать здесь, а нам, кто финишировал, надо отправляться в Кутиху. Поторапливаемся.

Ребята переночевали в избушке, кто сидя, кто как. Они уже позавтракали и потихоньку выходили на улицу. Быстро проглотив кашу, попив чаю, Петрович поспешил на улицу. Группа уже стояла на лыжах, подшучивала:

– Ну ты и здоров поспать, Петрович!

– На свежем-то воздухе и спится хорошо, я бы ещё не против – минут шесть-сот! – отозвался Петрович. – Надеюсь, сегодня никто в снег падать не будет? – пошутил он в ответ, и группа покатила вниз по Тургусуну.

До Кутихи оставалось десять-двенадцать километров.

«ТАК И ЗАМОРОЗЯТ ВЕСНУ, ВАРНАКИ...»

Из дневника Петровича

«Лыжно за ночь подморозило, лыжи скользили легко, после такой невероятно тяжёлой гонки мышцы работали на автомате. Я с удовольствием разглядывал долину Тургусуна, укутанную снегами, где-то под ними дремал Бешеный бык – так переводится на русский язык название красивейшей реки Рудного Алтая. Весна, родившаяся в январе, подрастала. Это было заметно по ласковым лучам солнца, по набухшим почкам вербы и краснотала, по звонкому пению снующих в кронах пихт синиц, по хрустально чистому воздуху, который сам звенел этими тайными знаками подрастающей весны.

Альтаир пел, радуясь этому весеннему дню, песня была старинной, малознакомой, и все ловили ее грустные слова:

Эсминец суровый на рейде стоял,
Матросы с родными прощались,
А море таило покой красоты
И где-то вдали исчезало.
А там во садочку, где пел соловей,
Он пел, свою песню играя,
С девчонкой прощался моряк молодой,
Надолго ее покидая.
Он обнял девчонку, подругу свою,
Она, как дитя, зарыдала.
Два сердца слились, как будто в одно,

И сразу дышать легче стало.
А боцман стоял и на них всё глядел,
Глядел и как будто смеялся.
Раздалась команда: «Поднять якоря».
Свист боцмана резко раздался.
Он снял бескозырку и вслед помахал:
«Прощай, дорогая Маруся,
Вот скоро возьмем Севастополь родной,
К тебе, дорогая, вернуся».
Услышав матроса такие слова,
Она, как дитя, зарыдала:
«Я знаю, что ты не вернешься домой,
Найдут тебя мертвым у скалах».
Эсминец рванулся от серых платформ,
Машина их крик заглушила.
Слезу утирала дареным платком,
Жалела, что мало любила...»

«Какие душевные в старину песни были», – вздохнул Петрович. Печь догорала, дышала жаром. Ещё с вечера, заметив, как солнце садилось, играя изумительным закатом, а значит, по всем приметам быть морозам, он набрал побольше дров в избу.

– А ведь так и заморозят весну, варнаки! А ей, как минимум, до марта продержаться надо, а там уж она своё возьмёт, – проворчал он, готовясь ко сну и закрывая тетрадку с потёртыми страницами.

Александр Демьянович Исаченко родился в 1953 году на руднике Огнёвка Уланского района Восточно-Казахстанской области. Работал на Серебрянском заводе неорганических производств, прошёл путь от ученика литейщика до наладчика. Окончил факультет физического воспитания Усть-Каменогорского педагогического института. Заслуженный тренер КазССР. Работает в ГУ ВКО «Школа высшего спортивного мастерства по зимним видам спорта» тренером-преподавателем по лыжным гонкам. Член Союза писателей России. Публиковался в газетах «Огни Прииртышья», «Лениногорская правда», «Семь дней», «Рудный Алтай», журнале «Простор», в коллективных сборниках «Связующее слово», «Звено Алтая», «Над Свято-Троицким поют колокола», «Победа одна на всех». Дипломант и лауреат ряда международных фестивалей и конкурсов. Автор двух книг стихов и прозы «Глаза с голубыми озёрами» и «Тетрадка в клеточку». Проживает в селе Черемшанка Глубоковского района Восточно-Казахстанской области.

